

Глава 10. План «Три зверя и одно яйцо»

За окном, среди колышущихся трав, медленно проплывали палые листья. В вышине, рассекая небесную гладь, пронеслась Птица Ли. Снаружи в дом вливался мягкий солнечный свет, переливающийся, точно золотистые волны.

Цзян Чаншэн прищурился и вернулся к разделке овощей. В котле на огне томилось яйцо; по всем расчётам, оно должно было свариться через пару минут. Однако когда спустя четверть часа он поднял крышку, то увидел, что огненно-красная скорлупа окутана густым паром, а само яйцо... радостно «плавает на спине» в кипятке.

— Оно ещё и двигается?

Яйцо лихо нарезало круги в котле, явно пребывая в превосходном расположении духа. Цзян Чаншэн понаблюдал за ним некоторое время, а затем попытался выловить его, чтобы разбить. Но яйцо, будто почувствовав угрозу, внезапно подпрыгнуло и со всей силы влетело лавочнику прямо в лоб.

— Ох...

Потирая ушибленный висок, на котором уже наливался синяк, Чаншэн вздохнул. Жажда жизни у этого продукта была на редкость сильной.

Внезапно им овладел азарт. Он усмехнулся:

— Ну давай, покажи что-нибудь ещё, а я посмотрю, стоит ли тебя готовить.

Яйцо, конечно, не поняло слов, но послушно крутанулось в его ладонях и ласково потёрлось о пальцы.

Цзян Чаншэн замолчал.

«Проклятье, ну как тут устоять? Неужели мне и вправду придётся ввязаться в этот банальный сюжет с высиживанием?»

***

Тихий, ленивый полдень напомнил Эр Пану о его прошлой жизни. В те времена он часто сидел у окна, наблюдая, как взлетает бабочка или падает лист. Вот и сейчас он, изящно встряхнув шерсткой, подошёл к хозяину, высокомерно задрал длинный пушистый хвост. Следом за ним, стараясь не отставать, семенили Да Ша и Сань Ва. В головах у обоих зрела одна и та же мысль: как бы стащить чего-нибудь вкусенького, пока лавочник не видит.

Цзян Чаншэн обернулся и заметил троицу:

— Идите сюда, есть дело.

Рыжий кот мгновенно уставился на яйцо в руках хозяина. В его душе затеплилась надежда: неужели последние дни подлизываний дали плоды и это яйцо — награда за верную службу?

— Вы будете отвечать за...

— Хорошо, я съем его! — мяукнул Эр Пан и бросился вперёд.

Чаншэн ловко уклонился, и кот с глухим стуком врезался в стену.

— Какое ещё «съем»? — бесстрастно осадил его он. — Хватит думать только о еде. Яйцо скоро проклянется, так что в ближайшие дни ваша задача — высидеть его.

Эр Пан замер.

Высиживать? Ему, утончённому и благородному коту, заниматься таким... примитивным трудом?

— Ой, я совсем не умею, — он сощурился и хитро взглянул на хаски. — Мне кажется, Да Ша для этого просто создан. У него такой... подходящий вид.

— Я справлюсь! — Хаски тут же принял серьёзный вид. Он решительно протянул свою тяжёлую лапу к яйцу.

Увидев, что Да Ша собирается не то высиживать, не то идти на таран, Цзян Чаншэн поспешно отдёргнул руку:

— Нет-нет, забудьте.

Тут инициативу перехватил Сань Ва. Он бережно прижал яйцо к груди и смиренно произнёс:

— Я никогда раньше этого не делал, но служить хозяину — великая честь. Как бы трудно ни пришлось, я выполню задачу.

Хомяк высказался на редкость ловко: сначала подчеркнул неопытность и сложность дела, а затем выставил свою готовность идти ради хозяина в огонь и в воду.

Расчёт оправдался. Взгляд Цзян Чаншэна потеплел, и он одарил грызуна одобрительной улыбкой. Сань Ва довольно прищурился. На фоне ленивого кота и грубого пса он выглядел воплощением надёжности.

«Мудрый, степенный... Вот такой я зверь», — подумал хомяк.

Эр Пан, почуяв, что теряет позиции, тут же бросился к ногам хозяина и принялся тереться о них.

— Хозяин, я тоже хочу! Я же просто пошутил!

Чаншэн выставил шумную компанию из кухни, строго наказав не разбить скорлупу. После чего он вернулся к приготовлению пельменей «Четырёх Радостей».

Он замесил тесто, мелко нарубил овощи, превратил мясо в нежнейший фарш и добавил специи. Затем сварил рис и слегка обжарил его. Достал несколько яиц парчовой курицы, взболтал их и превратил в золотистую крошку на сковороде.

Наступил самый ответственный этап: он лепил пельмени, придавая им форму цветка с четырьмя лепестками, в каждый из которых закладывал начинку разного цвета. Когда вода закипела, он поставил бамбуковую пароварку на огонь и убавил пламя.

Гостей было много, поэтому готовка затянулась. Пока блюдо томилось на пару, в зале царил напряжённая тишина. Дунфан Хаожань сидел как натянутая струна, не сводя настороженного взгляда с Мо Ци. Тот же, напротив, безучастно постукивал пальцами по столу.

Наконец Цзян Чаншэн велел своим питомцам помочь с подачей, распорядившись положить Мо Ци порцию побольше.

На белоснежных подносах красовались яркие, точно распустившиеся цветы, пельмени. Четыре лепестка — четыре разных вкуса и цвета. Зрелище было завораживающим.

Практики не стали церемониться. Ли Хунгуан первым подхватил пельмень палочками и отправил в рот. Мгновение — и на его лице отразилось истинное блаженство.

Дунфан Хаожань, привыкший к роскоши императорских пиров, поначалу был настроен скептически. Он пришёл сюда лишь для того, чтобы проверить слова шисюна о пользе местной еды для совершенствования. Но стоило ему попробовать первый кусочек, как все сомнения развеялись.

Тесто было идеальной толщины — упругое и нежное. Начинка оказалась невероятно сочной, а овощи приятно похрустывали. Но главное было не во вкусе: с каждым проглоченным кусочком он чувствовал, как тело наполняется чистой духовной энергией.

Раздражение, мучившее его долгие месяцы, вдруг улеглось. В душе воцарился покой.

Дунфан Хаожань всегда стремился к совершенству, подстёгиваемый гордыней и непомерными амбициями. В мире Гор и Морей хватало великих мастеров, да и в ордене Сокровенного Духа хватало талантов. Дунфан застрял на пике стадии Зарождения Души и никак не мог пробить барьер, несмотря на все эликсиры и медитации.

Учитель говорил, что его сердце слишком смятенно. Хаожань понимал это, но не мог подавить тревогу. Ему казалось, что он бежит по бесконечному тёмному туннелю, где впереди нет ни единого проблеска света. Тьма дышала в спину, грозя раздавить его.

Но сейчас, поглощая эту простую, на первый взгляд, еду, он вдруг осознал: к чему эта спешка? Нет нужды загонять себя в тупик. Достаточно делать один шаг за раз, радуясь каждой малой победе.

Когда он пришёл в себя, тарелка была пуста.

— Лавочник Цзян, можно ещё порцию? — подал голос один из практиков. — Плачу пятьсот камней!

Те, кто пришёл впервые, поначалу косо посматривали на ветхую лачугу и заоблачные цены. Но, ощутив прилив сил, они моментально уверовали в мастерство хозяина. Многие уже прикидывали, как бы закупиться впрок, чтобы использовать эту еду вместо дорогих пилюль.

Цзян Чаншэн замаялся. Он приготовил по десятку пельменей на каждого — порции были немалыми, — но гости смели всё в один миг. Продукты от Системы были строго ограничены, а запасы, подаренные Луань-няо, тоже подходили к концу.

— Еда закончилась, — развёл руками он. — Приходите в следующий раз.

Практики разочарованно загудели, но спорить не решились: у таких мастеров всегда свои причуды.

В этот миг небосвод содрогнулся. Над лазурной далью прогрехотал гром, и со стороны горизонта потянулись тяжёлые иссиня-чёрные тучи.

Все вздрогнули. Дунфан Хаожань резко встал; он лихорадочно блестел глазами. Он низко поклонился Цзян Чаншэну.

— Благодарю великого мастера за наставление. Я вернусь, чтобы отплатить за вашу милость.

С этими словами он сорвался с места и исчез в небесах.

— Что это с ним? — опешил Цзян Чаншэн.

— Идёт на прорыв, — коротко бросил Мо Ци. — Небесная кара не ждёт.

Практики высыпали на улицу. Небо окончательно потемнело. Там, в вышине, заплясали яростные молнии, разрывая сумрак слепящими росчерками.

— Это же «Грозовая Змея Гексаграммы Цянь», девяносто восьмая в табели рангов, — прошептал кто-то.

Дунфан Хаожань слишком долго топтался на месте, и теперь прорыв случился внезапно. Ли Хунгуан с тревогой всматривался в сполохи на горизонте. Дунфан был ему почти братом, и он не мог бросить его в такой момент.

— Спасибо, лавочник Цзян. Если я когда-нибудь понадобится — пришлите весточку через облачную почту. Обстоятельства не терпят, я должен идти.

Сложив пальцы в мудру, он растворился в воздухе, следуя за аурой Хаожаня. Остальные гости тоже поспешили откланяться.

В голове Цзян Чаншэна раздался знакомый звон.

[Поздравляем! Задание выполнено. Выручка значительно превысила ожидания]

[Текущая репутация: Малоизвестный]

[Новые ингредиенты выданы. Награда за ремонт ресторана доступна к получению]

[Новое задание: Принять 200 новых посетителей]

[Условие: Выручка от 50 000 духовных камней]

[Условие: Открыть 20 записей в Дневнике Гурмана Гор и Морей (сейчас открыто 10)]

[Награда: Новые ингредиенты, Врата в Центральный Божественный Округ (требует затрат духовных камней)]

Чаншэн обрадовался, но тут же нахмурился:

— Сяо Цан, что ещё за репутация?

— Система учитывает вашу известность и влияние, — отозвался голос. — Повышение статуса разблокирует редкие награды. Пока что ваша популярность оставляет желать лучшего. Старайтесь сильнее.

«Ну, это дело небыстрое», — вздохнул он. Двести человек... Где их взять в этой глуши? Разве что обещанные Врата помогут привлечь народ.

Мо Ци, наблюдавший за ним, вдруг произнёс:

— Ты связал себя с его кармой.

— М? — Цзян Чаншэн обернулся.

— Он прорвался благодаря твоей еде. Теперь он твой должник, и его дальнейший путь будет переплетён с твоим. Это и есть узы причины и следствия.

— И что в этом плохого? — улыбнулся лавочник.

Мо Ци замаялся. Он посмотрел холодно и проницательно, и в его глазах на мгновение промелькнуло нечто похожее на тоску.

— Лишние привязанности — обуза для практика. Впрочем, воля твоя.

Цзян Чаншэн лишь пожал плечами. Ему, напротив, нравилось это чувство. В прошлой жизни он слышал фразу: человек умирает окончательно лишь тогда, когда о нём забывает последний из живущих. Даже если тебя забудут со временем, разве не лучше, чтобы это случилось чуть позже? Одиночество — плохой спутник.

Он поделился этой мыслью с Мо Ци, ожидая насмешки. Но тот долго молчал, прежде чем ответить:

— Твоя правда.

— Однако, — добавил Мо Ци, — тебе стоит найти того, кто не забудет тебя никогда.

— Рано или поздно забывается всё.

— Есть вещи, которые вечны.

Чаншэн удивился такой решимости в его голосе. Подняв взгляд, он встретился взглядом с Мо Ци, в чьих глазах, казалось, мерцал свет целой вселенной.

— Не бери в голову, — Мо Ци резко отвернулся. — Жизнь практика длинна, не трать её на пустые бредни.

С этими словами он вышел.

Цзян Чаншэн кликнул по иконке награды.

Золотое сияние окутало ветхую хижину. Раздался грохот, треск ломающихся балок, и спустя несколько мгновений на месте лачуги предстало великолепное здание.

Теперь это был настоящий ресторан: ярусы изящных крыш в классическом стиле, отделка из резного дерева, гармонично вписанная в зелень окружающих лесов и склоны далёких гор. Внутри — вместо старой рухляди — мебель из благородного сандала и палисандра, старинные цини и курительницы. На кухне появилось современное оборудование, прикрытое искусной стилизацией.

Одна беда: посуды было катастрофически мало.

«Нельзя же заставлять гостей каждый раз наколдовывать себе тарелки», — подумал он. Вспомнив о запасах нефрита, которые три его оболтуса стащили на горе Юйцзышань, Чаншэн решил, что пора пустить их в дело. Зверята после трансформации стали сильнее, и выточить из камня сервиз для них не составит труда.

Что до Мо Ци, то его Цзян Чаншэн эксплуатировать пока не решался. Тот явно заметил преобразование дома, но, как и полагается настоящему мастеру, лишних вопросов задавать не стал. Между ними установилось некое молчаливое соглашение.

Питомцы, увидев новый дом, в восторге принялись носиться по залам. Чаншэн же смотрел на них и невольно улыбался. Мир Гор и Морей действительно был полон чудес. Кто бы мог подумать, что он доживёт до того дня, когда будет есть из нефритовой посуды?

— Если бы здесь были золотые или серебряные горы, мы бы точно озолотились, — пошутил он.

Мо Ци покосился на него:

— Есть такая.

Цзян Чаншэн азартно блеснул глазами. Он ведь просто ляпнул... Неужели и вправду есть?